

миръ творить Ингигерда, жена Ярослава, и Эймунду предоставленъ Полоцкъ и подлежащая ему волость. Это тяготѣіе варяговъ къ Полоцку стоитъ отмѣтить. Лихорадочная дѣятельность Всеслава напоминаетъ типы безпокойныхъ викинговъ. Къ нему присталъ рядъ эпическихъ преданій: какъ его отецъ Брячиславъ обращается за совѣтами къ языческимъ волхвамъ, такъ самъ онъ рожденъ отъ волхвованія, «бѣ ему на главѣ знамя язвено»; «рекоша волсви матери его: се язвено на главѣ его навяжи нань, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ». Это — науза, *pileus naturalis*, символъ родовой, унаслѣдованной доли, какъ сѣверная *fulgja*¹⁾; о Всеславѣ говорится, что онъ былъ жестокъ на кровопролитіе; отъ доли не уйти, къ Всеславу приложена припѣвка стараго Баяна: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути»; это та-же доля въ христіанскомъ освѣщеніи. Что рассказываетъ о Всеславѣ въ Слово о полку Игоревѣ, отзывается сквозь риторику стилемъ народнаго или дружиннаго преданія. Онъ «разшибе славу Ярослава», но его внукъ Изяславъ Городенскій «притрепа» его собственную главу, когда палъ «притрепанъ литовскими мечи». Политическая оріентація Полоцка не общерусская: у однихъ на рукахъ половцы, у другихъ Литва и Ливъ, а слагатель Слова сѣтуетъ, что Сула уже «не течетъ серебряными струями и Двина болотомъ течетъ онымъ (когда-то) грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ» — тамъ половцевъ, здѣсь литовцевъ.

Подъ 1130 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что «потоци Мстиславъ полотскіи князѣ съ женами и с дѣтьми въ Грѣки (въ Царьградъ), еже преступивша хрестное целование», отказавшись идти на половцевъ. При этомъ сообщается со словъ людей вѣдущихъ (яко сказаша вѣдущіе) извѣстный рассказъ о Рогвѣдѣ съ такимъ обобщеніемъ: «и оттолѣ мечъ взимають Рогволожи внуци противу Ярославимъ внукамъ».

Въ концѣ XII вѣка (въ 1186—7 годахъ) хроника Генриха

1) Сл. мои Разысканія, XIII, стр. 185—6, 208.